

Н. Д. БАРАБАНОВ
Волгоградский университет

ОТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В ВИЗАНТИИ НА РУБЕЖЕ XIII—XIV ВВ.

(патриарх Афанасий I и Андроник II Палеолог)

Социальная ситуация, сложившаяся в Византии в конце XIII — начале XIV в., являлась критической как для важнейших государственных институтов, так и для церкви. В условиях нарастания турецкой экспансии, усиления зависимости экономики от итальянских республик и упадка ремесленного производства, в условиях назревания новой агрессии с Запада и быстрого роста центробежных тенденций первойшей необходимостью становился поиск новых форм отношений в среде господствующего класса империи. Исключительно важное место в системе общественных связей занимали отношения между церковью и государством, персонифицированные в данном конкретном случае в фигурах патриарха Афанасия I (1289—1293, 1303—1309) и Андроника II Палеолога (1282—1328). Активное участие обоих иерархов в политической жизни Византии приводило к тому, что взаимодействие их в различных делах или же расхождение во взглядах оказывали серьезное влияние на решение многих вопросов, стоявших перед обществом. Венчая сложную систему связей в среде господствующего класса империи, отношения императора и патриарха являлись олицетворением взаимоотношений материального и духовного, земного и небесного начал, что позволяло им выполнять сакральную и вместе с тем дидактическую функцию.

Сказанное определяет интерес, проявленный многими исследователями к проблеме связей между василевсом и Афанасием I. Однако практически все наблюдения, сделанные различными авторами по этой теме, сводятся к элементарной констатации факта, гласящего о наличии влияния, оказывавшегося архипастьером на Андроника II Палеолога¹. Сам факт влияния порождает множество вопросов. Всегда ли было воздействие патриарха действенным? Как выражалось оно конкретно и какую преследовало цель? Менялся ли характер влияния за время двух понтификатов Афанасия I? Что нового вносят связи Андроника II с названным главой церкви в традиционную систе-

му отношений императора и патриарха? Наконец, почему именно Афанасий I, а не какой-либо другой из патриархов мог оказывать влияние на самодержца? На поставленные вопросы нельзя найти ответа в перечисленных трудах, а потому закономерной является попытка более глубоко изучить характер отношений между иерархами и определить значение их связей для византийского общества.

Источниками для изучения темы послужат письма Афанасия I к автократору², а также некоторые места из сочинений Георгия Пахимера³ и Никифора Григоры⁴, в которых речь идет об отношениях иерархов. Послания к императору, числом около 100, составляют значительную часть эпистолярного наследия патриарха. Подавляющее большинство эпистул недавно введено в научный оборот и было недоступно исследователям, ранее обращавшимся к отдельным аспектам темы. События, послужившие поводом для написания посланий, относятся как к сфере объективного социального развития, так и к сфере идеологии и политической борьбы, что позволяет с различных сторон рассмотреть связи архипастыря и Андроника II Палеолога.

В период первого патриархата Афанасия I император большую часть времени находился вне столицы, путешествуя по городам Малой Азии. Патриарх сообщает об этом в письме, посвященном причинам его отречений (Аф. ер. 115). Он пишет: «...когда я присматривал за церковью христовой в первый раз в течение 4 лет, мой святой самодержец не проживал в то время в царице городов, а был на востоке» (Аф. ер. 115. 2—8). Отсутствие василевса определяло характер общения двух иерархов: оно должно было быть преимущественно эпистолярным. Кратковременный личный контакт был возможен только в период избрания Афанасия патриархом и в момент, предшествующий его отречению, следовавшему сразу по возвращении автократора. Это и составляет особенность первого патриархата, от времени которого сохранилось небольшое число писем. Из датированной части переписки, изданной А.-М. Толбот, только 3 письма (№ 10, 107, 111) отнесены к 1289—1293 гг., тогда как ко второму правлению причисляются 73 послания. Диспропорция может иметь множество причин. Кроме того, соотношение количеств, вероятно, изменится после пересмотра принятых датировок. Например, в историографии уже высказывалось мнение, что письма № 52 и 53 могут быть отнесены к первому правлению⁵. Следует отметить, что по содержанию послания, сохранившиеся от разных понтификатов, чрезвычайно близки между собой, поскольку в них затронут один и тот же круг проблем, они схожи по тону и характеру информации. В одном из писем имеется свидетельство того, что Афанасий I уже тогда рассчитывал на хорошее отношение императора (Аф. ер. 115, 56—58) и позволял себе вмешиваться в дела семьи самодержца (Аф. ер. 107, 5—10). Преимущественно на основе пере-

писки, возникшей в 1303—1309 гг. рассмотрим воззрения экуменического владыки на императорскую власть, а также форму общения между иерархами.

Традиционным является признание патриархом божественного происхождения власти императора. Принцип этот был четко сформулирован еще Константином Багрянородным, писавшим, что бог ставит императора на престол и дает ему власть над всем⁶. Афанасий отмечает в одном из писем к Андронику II: «твоей же царственности и судить и карать, и совершать благодеяние справедливо присудил Справедливый» (Аф. ер., 5, 21—24). В другом послании он говорит василевсу: «Бог всех, который вверил тебе царство православных христиан, решил и желает, чтобы оно управлялось не как языческие царства» (Аф. ер. 57, 2—6). Наиболее часто употребляет Афанасий по отношению к самодержцу фразу-клише «твоя от бога царственность». В 114 опубликованных А.-М. Толбот письмах она встречается 154 раза и является в своем роде индикатором напряженности в отношениях между патриархом и императором. В письмах конфликтных, содержащих критику и упреки в адрес василевса, этот стереотип почти не встречается, что наталкивает на мысль об особом значении, которое ему придавалось. Исключая названную фразу-клише из обращения к самодержцу, Афанасий как бы подчеркивал, что деяния последнего не соответствуют божьей воле.

Полагая, что власть вручена императору богом, патриарх считал, что и пользоваться ею он должен образом, угодным всевышнему. Владыка приглашал размышлять о правителях от начала мира, одни из которых достигли наивысшей славы, а другие были поглощены бесчестьем и вечным огнем (Аф. ер. 110. 136—142). От богоугодного управления проистекает преуспеяние государства. Указание на это мнение Афанасия обнаруживается в одном из писем: «подобно тому как неотъемлемым свойством солнца является светить и греть, так и для царского величества — справедливость и благозаконие городов, а отсюда, от законности и общей разумности и для народа — милость Божья» (Аф. ер. 93. 1—4). То, что богоугодное управление — важнейшая обязанность василевса, подтвердят в дальнейшем советы, просьбы и наставления, данные ему архипастырем.

Важный элемент взглядов Афанасия на императорскую власть состоит в том, что он признавал ее способной разрешить все проблемы, стоявшие перед обществом. Так, говоря о беззаконии, которое «подобно неодолимому пламени» охватило государство ромеев, патриарх убеждает василевса: «только ты, твоя от Бога царственность, вслед за Богом ты один сможешь, если пожелаешь, сберечь все от постыдного превращения в пепел» (Аф. ер. 49.14—23). Та же мысль развивается в других письмах (Аф. ер. 1. 39—41, ер. 7. 14—17).

Власть императора настолько всеобъемлюща, что простира-

ется даже на византийскую церковь. Это положение патриарха прослеживается прежде всего в посланиях, касающихся внутрицерковных проблем. Поднимая вопрос о бегстве архиереев из епархий в столицу, Афанасий пишет, что положить этому конец может только самодержец (Аф. ер. 25. 24—25). В ином письме архипастырь обвинил Андроника II в том, что тот не повелел пастырям находиться в их стадах (Аф. ер. 30. 6—9) и призвал немедленно приказать им возвратиться в свои уделы (Аф. ер. 30.26—27). Афанасий решительно вменял в обязанность императора заботу о благолепии храмов (Аф. ер. 66. 33—39) и о духовном богатстве его подданных (Аф. ер. 84. 2—10). Особенно четко выразил патриарх свой взгляд на отношение василевса к церкви в следующих словах: «Насколько ценнее тела душа и земного небесное, настолько об управлении церковью более чем об управлении государством каждый православный и особенно василевсы во время жизни всегда должны заботиться» (Аф. ер. 95. 2—5).

Приведенные высказывания владыки показывают, что он практически признавал систему цезарепапизма и даже стимулировал ее действие. Такое положение может иметь несколько оснований. Во-первых, оно вытекает из внутривластической ситуации церкви в период понтификатов Афанасия, позиция которого была шаткой по причине борьбы против него епископата и раскольников⁷. В таких условиях патриарх, естественно, стремился заручиться поддержкой василевса, действия коего рассчитывал направить в нужное себе русло. Во-вторых, архипастырь мог советовать императору проявить свою власть в церкви из тактических соображений, имея целью в какой-то конкретный период подавить церковную оппозицию его политике реформ. Этот вариант вероятен в свете имеющихся фактов, говорящих о том, что взгляды Афанасия на императорскую власть не мешали ему на деле ограничивать влияние василевса. В-третьих, на изучаемое положение воздействовала традиция, возникшая в ходе извечной борьбы патриархов и самодержцев за власть в церкви и нашедшая, например, отражение в давнем правиле избрания экуменических пастырей императорами. Наконец, в-четвертых, письма с подобными призывами могли создаваться в конце двух правлений Афанасия⁸. В таком случае, архипастырь показывал, что он рассчитывает на продолжение политической линии, проводимой им в церкви, но уже силами автократора, подверженного его влиянию.

Воздействие патриарха постоянно варьировалось по форме, было всесторонним. Отмечу важнейшие его черты. Признавая Андроника II Палеолога человеком, нуждающимся в советах и руководстве, Афанасий то осторожно намекал, то утверждал прямо, что лучше всех с обязанностями советника может справиться именно он. Такого рода предложения встречаются в нескольких письмах (Аф. ер. 84. 24—28; ер. 92. 16—18), но наибо-

лее решительно владыка высказался в следующих словах: «Если ты согласишься принять меня в качестве советника, то с этого момента соберись с силами, вооружись, отбрось колебания и малодушие, прекрати откладывать дела, пугать или превозносить определенных людей» (Аф. ер. 35. 36—39). Таким образом, патриарх стремился добиться практически официального статуса советника при особе государя, что узаконило бы его влияние.

Среди других форм воздействия следует назвать настойчивые требования, имевшие место в период критических ситуаций, таких как голод 1306—1307 гг. (Аф. ер. 93. 7—9; 9—13). Затем важны различные острые постановки проблем, выдвигавшие в качестве альтернативы уход патриарха в разгар церковного кризиса (Аф. ер. 12. 46—49; ер. 30. 26—27). Кроме того, Афанасий указывал в письмах на то, что может принимать ответственные решения без участия императора, как это было в момент изгнания архиереев из Константинополя (Аф. ер. 30. 33—36).

Архипастырь позволял себе наказывать василевса, не включая его в свои молитвы, как это было должно по традиции, идущей с апостольских времен (Аф. ер. 3.2—8)⁹.

Отношения патриарха и императора не являли собой дорогу с односторонним движением. Письма показывают, что самодержец также оказывал воздействие на Афанасия, имея главной целью смягчение суровых и непримиримых действий владыки, что прекрасно осознавалось последним (Аф. ер. 88. 20—23), особенно, когда возникла широко известная ситуация, сложившаяся после обнаружения в храме Святой Софии патриаршего отлучения всей правящей верхушки (Аф. ер. 2. 53—57).

Интенсивность контактов иерархов зависела от большого числа факторов. Чувствуя расхождение во взглядах на отдельные злободневные проблемы, Андроник II зачастую избегал встреч с патриархом, так что тот вынужден был сетовать на напрасные ожидания во дворце, повергавшие его в негодование и смятение (Аф. ер. 14. 36—39). Другим препятствием для свиданий была непогода, обычная для осенних и зимних месяцев. Афанасий неоднократно ссылается на нее в письмах. Не следует забывать, что владыка руководил церковью, находясь в чрезвычайно преклонном возрасте, особенно в период второго правления, поэтому указания на неблагоприятные климатические факторы не являются маловажными. Те же места посланий говорят о том, что архипастырь отдавал предпочтение прежде всего личному контакту (Аф. ер. 11. 13—16, 19—22; ер. 12. 14—16). Переписка была средством поддержания влияния во время между встречами. В качестве письмоносцев выступали монархи — приверженцы Афанасия, вроде инока Мины Сколики (Пах. с. 359.—15) или иных «божьих людей» (Аф. ер. 113.2—4).

Письма показывают, что патриарх рассматривал как обязательные для себя некоторые функции по отношению к императору. Первая из них — информирование. Архипастырь полагал,

что Андроник I недостаточно инициативен в сборе сведений (Аф. ер. 17. 10—14), что доходящая до него информация искажается (Аф. ер. 1. 20—22), а потому он предлагал свой набор новостей, всячески подчеркивая при этом его достоинства (Аф. ер. 88. 34—37). Характер информации, исходящей от патриарха как коммуникатора, соответствовал двум известным типам ее¹⁰. К первому относится информация побудительная, рассчитанная на стимуляцию какого-то действия. В письмах к императору она выражена в форме советов, призывов и наставлений, тон которых мог варьироваться в зависимости от содержания писем — от гневного, раздраженного до умоляющего. Второй тип информации — констатирующая, выступающая в форме сообщения. Характер подачи и контекст, в котором приводятся сведения в письмах патриарха, лишают его нейтральности. Продуманное сообщение о каком-либо факте имеет целью привлечение к нему внимания василевса и предполагает совершение последним определенного действия, направление которого заложено во всем содержании письма. Таким образом, эта сторона связей Афанасия и Андроника II использовалась первым для оказания влияния на императора. Например, архипастырь сообщал о злоупотреблениях и коррупции в среде архонтов (Аф. ер. 8. 16—21; ер. 17. 63—65), указывал на скверное этическое состояние византийского общества (Аф. ер. 67. 16—18).

Тесно переплетаются с информацией, содержащейся в посланиях, просьбы и советы, адресованные Андронику II. Они также имели целью оказание влияния на императора, активизацию его действий в предлагаемой патриархом сфере. Просьбы касались как лично василевса, так и общества в целом. По мнению Афанасия, самодержцу следовало изменить образ своего поведения и методы правления, больше уделять внимания божественным целям (Аф. ер. 92. 23—27, 35—38; ер. 50. 90—10). Из другой группы просьб можно выделить различные ходатайства за осужденных (Аф. ер. 51. 8—12), заступничество за городские низы и прошения, касавшиеся проблем смягчения голода (Аф. ер. 78. 42—44) и установления действенного контроля за хлебной торговлей (Аф. ер. 73. 2—4).

Просьбами же Афанасий стремился активизировать экзективную функцию самодержца, побуждая его обрушить силу законов на негативные общественные явления и на конкретных лиц, таких как Иоанн Дримий (Аф. ер. 81. 168—175) или Рожер де Флор (Аф. ер. 90. 20—38).

Советы, наставления, пожелания, выраженные в письмах, имеют целью направить усилия василевса на преодоление кризиса, переживаемого государством. Для этого автократор должен был возложить свои надежды на господина (Аф. ер. 15. 16—19), раскаяться, взяв за образец Ниневитов (Аф. ер. 3. 39—43; ер. 49. 110—114), немедленно начать совершать добрые дела (Аф. ер. 7. 57—61), к которым причтены искоренение непра-

ведности и очищение избранного народа от скверны. Одна из сентенций гласит: «прошу могущественного моего самодержца, чтобы побуждал нас к богоугодному, хотя бы и нежелающих. Порождай благоденствия во дни свои. Утверждай справедливый приговор, будь благоразумно живущим в своем государстве, обильно источай сострадание и истинность и не окажется в городе твоём то, что от несчастного города — коварство, пагуба и беззаконие!» (Аф. ер. 3. 50—54). Кроме перечисленного, императору надлежало вернуть архиереев в их уделы (Аф. ер. 3. 60—62; ер. 25. 18—20), наведя порядок в церкви. Все это показывает, что архипастырь призывал прежде всего к действию, а не слепому упованию на бога, как это может показаться.

Рассчитывая на выполнение своих просьб и советов, патриарх вводил в письма стимулирующие элементы, касающиеся того вознаграждения, которое ожидает василевса в случае, если он предпримет рекомендуемые шаги. Используя цитаты из Ветхого Завета, Афанасий так описывал грядущую награду: «И обратится же и зло врагов семикратное в грудь их¹¹, и под ноги твои положит Он всякую вражду и ненависть¹², и расширит пределы христиан¹³. И больше мира и всякого добра породит он во дни твои, и память твою¹⁴ сохранит в веках, и пошлет царственности твоей потомков¹⁵, и к земному царствию Христос тебе, верно служившему, даст и небесное» (Аф. ер. 3. 69—76). Подобного рода обещания, которыми изобилуют письма, задевали злободневные вопросы, живо интересовавшие автократора. Тем самым они также служили винтиком в механизме давления на императора.

Еще одна сторона писем позволяет воссоздать частично идеальный образ правителя, сложившийся в сознании Афанасия, а также определить некоторые черты характера Андроника II Палеолога. Такая возможность появляется благодаря именно письмам как разновидности монологической речи. Письменная монологическая речь — это речь без собеседника, ее мотив и замысел полностью определяются субъектом. Если мотивом письменной речи является контакт или желание, требование, то пишущий должен представлять себе мысленно того, к кому он обращается, представить его реакцию на свое сообщение¹⁶. Осыпая императора просьбами и советами, патриарх указывал в письмах на те черты личности Андроника II, которые, по его мнению, являются залогом успешного претворения в жизнь просимого. Явно лстя самодержцу, архипастырь упоминает его мудрость, остроту ума и трудолюбие, прекрасную душу (Аф. ер. 35. 1—3). Сходные перечисления достоинств рассыпаны во множестве писем (Аф. ер. 12. 18—22; ер. 14. 65—67; ер. 7. 2—7). Среди других отмечаются искренняя вера в бога (Аф. ер. 1. 49—51), сострадательность (Аф. ер. 54. 2—4), доброта души (Аф. ер. 81. 36—40). Афанасий сильно идеализирует василевса, а потому его расчет на соответствующую просьбам реакцию не

вполне оправдывается. Патриарх упоминал те черты характера, которые должны были быть свойственны императору как ставленнику всевышнего, полагая при этом, что влияние божье должно сказываться в каждом поступке самодержца. Это сказывается, например, в эпитетах, которыми владыка его награждает: «Могущественный, боговенчанный, боговосславленный, богорукотворимый господин мой, святой василевс» (Аф. ер. 110. 2—4). Среди всех прочих даруемых в то время автократу эпитетов¹⁷ данные Афанасием наиболее тесно связывают бога и императора, подчеркивая особую сакральность власти последнего. Естественно потому, что большинство характеристик относятся к месту, занимаемому автократом, а не к нему лично. По той же причине просьбы адресовались к идеалу и желаемое выдавалось за действительное. Видя явное несоответствие идеального образа реальности, патриарх обрушивал на Андроника II безжалостную критику. Он отмечал, что государство и церковь не управляются богоугодным образом (Аф. ер. 49. 93—96), что император проявляет пассивность (Аф. ер. 35. 3—4) и не высказывает стремление к добрым делам (Аф. ер. 7. 18—21).

Противоречие между идеальным образом василевса и настоящим характером Андроника II Палеолога сказывалось на отношениях последнего с Афанасием, являясь веской основой конфликтов. Связи между иерархами не были постоянными. Для них была свойственна своего рода пульсация, нашедшая отражение во многих письмах архипастыря, который то воздавал хвалу самодержцу за его любовь к церкви и к нему лично (Аф. ер. 98. 2—5), отмечал заботу государя о своей особе (Аф. ер. 11. 22—26; ер. 54. 4—10), то жаловался на то, что император не желает его видеть (Аф. ер. 14. 39—42, 57—61) и не защищает патриарха от нападок епископов (Аф. ер. 115. 71—74). Среди других подобных сетований те, в которых речь идет об отсутствии сострадания со стороны василевса (Аф. ер. 14. 61—65), о невнимании к петициям патриарха (Аф. ер. 87. 35—38). Ухудшение отношений с императором Афанасий даже выдвигал в качестве одной из причин своего отречения (Аф. ер. 2. 31—32).

Таким образом, разрыв между Андроником II и экуменическим владыкой носил серьезный характер и ставил последнего в затруднительное положение. Хронологически его следует отнести к заключительным годам второго патриаршества. В начале этого правления иерархи сотрудничали: Пахимир сообщает о том, что василевс способствовал объединению с Афанасием епископов, являвшихся сторонниками александрийского патриарха и не вступавших в общение с главой церкви (Пах. р. 409.5—410.17). Мир этот был установлен 22 марта 1304 г.¹⁸

В силу того что отношения иерархов не всегда находились на одном уровне, влияние, которое пытался оказывать патри-

арх, не всякий раз доходило до цели. Однако имеются факты, позволяющие утверждать, что в отдельные периоды Афанасий пользовался в глазах императора чрезвычайно высоким авторитетом и получал возможность интенсивно воздействовать на василевса. Примером служит широко известное вмешательство патриарха в дела царственной четы, когда отношения между Андроником II и его супругой Ириной ухудшились до предела. Конфликт не ограничивался семейными рамками, как отмечали некоторые исследователи¹⁹, но стал достоянием широкой гласности и обещал оказать влияние на судьбу всей страны. Удалившаяся после ссоры в 1303 г. в Македонию императрица Ирина безраздельно властвовала в Фессалонике, стязав под свое управление имения, равных которым не имела ни одна из василисс из династии Палеологов²⁰. Кроме того, она выражала намерение утвердить своих сыновей в качестве наследников сербского крля²¹. Патриарх, видевший опасность раскола светской власти, решительно вмешался, потребовав от императора в двух письмах (Аф. ер. 97, 98) установить мир с супругой. В дальнейшем он вторгся в область отношений Ирины и ее сыновей, имея целью сгладить имевшиеся между ними противоречия (Аф. ер. 84, 85).

Другим свидетельством того, что разнообразные формы влияния на василевса имели конкретный результат, служит письмо, которое самодержец направил патриарху перед его вторичной интронизацией²². В этом послании Андроник II обещал заботиться о церкви и ее главе, давал обет оказать поддержку архипастырю и просил у последнего молитв о своем благополучии. Многие конкретные положения письма являются громким эхом патриарших сентенций, советов, просьб.

Современники высоко оценивали степень влияния Афанасия на императора. Григора сообщает об оскорбительном рельефе, изображавшем Андроника II с уздой во рту, тогда как конец уздечки был в руках патриарха (Григ. р. 259. 1—7).

В чем кроется причина того, что владыка смог оказывать такое влияние? Главное в этом вопросе, на мой взгляд, содержится в характере авторитета, которым пользовался архипастырь в обществе. Еще до восшествия на патриарший трон Афанасий снискал себе славу чудотворца, и потому уже при жизни деятельность его была окружена ореолом святости. Было известно чудо будущего пастыря по укрощению волка (Пах. р. 143. 6—12). Кроме того, накануне своего возвращения на патриарший трон Афанасий предсказал небольшое землетрясение в Константинополе (Пах. р. 359. 4—12). Григора рассказывает, что высокий сан не мешал владыке оставаться аскетом — спать на голой земле, ходить всегда пешком (Григ. р. 180. 18—23). То, что патриарх при жизни почитался за святого, доказывает его исключительно быстрая канонизация и посмертный культ, сложившийся вокруг мощей²³. Таким образом, патриарха рассматривали

как держателя особого трансцендентного авторитета, что порождало суеверный страх перед ним. Именно это выделяет Афанасия из ряда других экуменических патриархов, правивших церковью при Андронике II Палеологе, из них он один был признан святым²⁴.

Письма показывают, что целью воздействия архипастыря на василевса было превращение последнего в верного союзника главы церкви, что являлось важным условием осуществления тех мер, которые предлагались им для спасения государства, для проведения ряда реформ. Неоднократно прямо или косвенно патриарх выражал желание сотрудничать с императором в различных делах (Аф. ер. 99. 2—6; ер. 112. 44—49). Иногда он просил Андроника II вместо себя исполнить определенные дела (Аф. ер. 11. 6—12). Таким образом, Афанасий рассчитывал на двойное усилие для осуществления своих замыслов — одновременно со стороны светской и духовной властей. Такая тактика, например, принесла успех в деле о Монферратском наследстве, когда патриарх и император блокировали усилия императрицы Ирины²⁵.

Итак, изучение отношений императора Андроника II Палеолога и патриарха Афанасия I приводит к следующим выводам. Взглядам патриарха на происхождение и сущность императорской власти были присущи некоторые особенности. Он традиционно рассматривал василевса как поставленного богом правителя, но этот элемент его воззрений доминировал над другими. В сознании владыки нет и следов черт, которые были характерны более ранней эпохе византийской государственности, когда самодержец воспринимался как народный избранник, откуда вытекали его обязанности заботиться о народе. У Афанасия подобный долг исходил от божественного начала власти. Исчезновение из сознания моментов, которые напомнили бы об избрании василевса, о земном происхождении власти, было связано, очевидно, с укреплением линии престолонаследия, с более прочным утверждением императорской власти при первых Палеологах.

Полномочия императора, по мнению патриарха, были исключительно широки. Особенно важно то, что Афанасий простирает власть василевса на церковь, что проистекало от неустойчивого, ослабленного положения патриарха, вынужденного вести борьбу с мощными децентрализующими силами в лице епископата и крупных монастырей. Совершенно очевидно, что не только традиции, но и социальная обстановка определяла взгляды патриарха на императорскую власть.

Для оказания влияния на самодержца архипастырь использовал различные средства, особенно из числа тех, которые предоставляла ему переписка. Все формы воздействия опирались на важнейшую основу — особый авторитет патриарха, которым он пользовался в обществе. Покров святости лежал на личности

и деятельности Афанасия, что позволяло ему оказывать большое влияние на Андроника II.

Патриарх пользовался влиянием для того, чтобы сделать василевса своим сторонником и активным помощником, что давало бы возможность с двух сторон наносить удары по тем объектам, которые Афанасий признавал достойными уничтожения или переустройства во имя спасения государства. В крайне тяжелый для государства момент истории светская и церковная власти империи стремились сделать шаг навстречу, достичь взаимопонимания и союза с целью преодоления внутриэкономического кризиса и спасения от внешней опасности. Поиск новых форм отношений был необходим в равной степени им обоим, поскольку сулил новые возможности в сфере внеэкономической и идеологической эксплуатации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Guilland R.** La correspondance inédite d'Athanase, patriarche de Constantinople (1289—1293, 1304—1310).—*Mélanges Charles Diehl*. Paris, 1930, v. 1, p. 126, 127—128; **Banescou N.** La patriarche Athanase I et Andronic II Paleologue Etat religieux, politique et sociale de l'empire.—*Bulletin de la section historique de l'Académie Roumaine*, 1942, v. 23, fasc. 1, p. 54—55; **Laïou A. E.** A byzantine prince latinized: Theodore Paleologus, Marquis of Monferrat.—*Byzantion*, 1968, t. 38, p. 386; **Raybaud L. P.** Le gouvernement et administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paleologues (1258—1354). Paris, 1968, p. 15; **Gill J.** Emperor Andronicus II and Patriarch Athanasios I.—*Byzantina*, 1970, t. 2, p. 17; **Constantelos D. O.** Life and Social welfare activity of Patriarch Athanasios I (1289—1293, 1303—1309).—*Orthodoxia*, 1975, t. 46 (Отд. оттиск: Athens, 1975, p. 14—15); **Booiamra J. L.** Athanasios of Constantinople: a Study of Byzantine Reactions to Latin Religious Infiltration.—*Church History*, 1979, v. 48, 1, March, p. 30.

² The correspondence of Athanasius I, patriarch of Constantinople. Letters to the emperor Andronicus II, members of the imperial family, and officials. An edition, translation, and commentary by A.-M. Talbot. Washington, 1975 (далее — Аф.).

³ **Georgii Rachymeris de Michaelae et Andronico Paleologis libri XIII.** ed. J. Bekker. Bonnæ, 1835, v. 2 (далее — Пах.).

⁴ **Nicephori Gregorae Byzantina Historia**, ed. L. Schopen. Bonnæ, 1829—1830, v. 1—2. (далее — Григ.).

⁵ ВВ, 1978, т. 39, с. 255.

⁶ **Литаврин Г. Г., Удальцова З. В., Каждан А. П.** Византия и Запад в современной буржуазной историографии.—В кн.: *Против фальсификации истории*. М., 1959, с. 440.

⁷ **Барабанов Н. Д.** Борьба внутри византийской церкви на рубеже XIII—XIV вв.—*Античный и средневековый город*. Свердловск, 1981.

⁸ Письмо № 95, например, датируется 1309 г.—*The correspondance of Athanasius I* ... p. 424.

⁹ Первое послание к Тимофею святого апостола Павла. 2.2.

¹⁰ **Андреева М. Г.** Социальная психология. М., 1980, с. 204—205.

¹¹ Псалтирь. 78.12.

¹² Там же, 8.7.

¹³ Исход. 34.24.

¹⁴ Псалтирь. 101.13.

¹⁵ Исход. 58.12.

¹⁶ **Лурия А. Р.** Язык и сознание. М., 1979, с. 211.

¹⁷ Raybaud L.-P. Le gouvernement..., p. 93—94.

¹⁸ Laurent V. Les Regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Les actes des patriarches. Les regestes de 1208—1309. Paris, 1971, v. 1, fasc. 4, p. 386.

¹⁹ Guillard R. La Correspondance..., p. 127—128; Banescou N. Le patriarche..., p. 54—55.

²⁰ Баришич Ф. Повелъе византийских царица.—ЗРВИ, 1971, т. 13, с. 159.

²¹ Mavromatis L. La fondation de l'empire serbe. Le cralj Milutin. Thessalonique, 1978, p. 59—60.

²² Laurent V. Le serment de l'empereur Andronic II Paleologue au patriarche Athanase Ier, lors de sa seconde accession au trône œcumenique (sept. 1303).—REB, 1965, t. 23, p. 135—138.

²³ Talbot A.-M. The Posthums Cult of the Patriarch Athanasius I of Constantinople.—Byzantine Studies Conference. University of Michigan, 1978, p. 41—42.

²⁴ Сергей. Полный месяцеслов Востока. М., 1876, т. 2, с. 9.

²⁵ Laiou A. E. A byzantine prince latinized..., p. 392.